

УДК 348.71

Грабо М.Е.*Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет (г. Москва)***ОРГАНИЗАЦИЯ ЦЕРКОВНОЙ ЖИЗНИ ПРИ ПРОМЫШЛЕННЫХ
ПРЕДПРИЯТИЯХ МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ
В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.**

Аннотация. В статье на основании архивных материалов рассматриваются основные составляющие и особенности церковной жизни на промышленных предприятиях Московской губернии, анализируется значение деятельности Церкви в рабочей среде. В конце XIX в. при развивающихся крупных промышленных комплексах по инициативе Русской Православной Церкви и фабричной администрации строятся храмы и часовни, устраиваются моленные комнаты. Существование на фабриках традиционной церковной жизни позволяло смягчать разрыв между городом и деревней, а также положительно влияло на разрешение трудовых конфликтов и нравы рабочих.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, «рабочий вопрос», духовенство, богослужение, социальная история.

M. Grabko*St. Tikhon`s Orthodox Humanitarian University, Moscow***ORGANIZATION OF CHURCH LIFE AT INDUSTRIAL ENTERPRISES
OF MOSCOW PROVINCE IN THE LATE XIX – EARLY XX CENTURY**

Abstract. In the article, based on archive materials, the principal components and features of church life in industrial enterprises of Moscow province are under study. In the late XIX century on the initiative of Russian Orthodox Church and factory administrations churches and chapels were built, prayer rooms within large industrials complexes were organized. Traditional church life at the factories helped to mitigate the gap between urban and rural areas, and had positive impact on the resolution of labor disputes and mores of the workers.

Key words: Russian Orthodox Church, «labour issue», priesthood, divine service, social history.

Российская индустриализация второй половины XIX в., развитие революционной пропаганды, активная секуляризация, разрушение традиционно-крестьянского мировоззрения фабрично-заводских рабочих – все это приводило к углублению их религиозной индифферентности. Данная статья посвящена религиозной стороне жизни фабрично-заводских рабочих

Московской губернии конца XIX – начала XX вв., что имеет актуальное значение для исторической реконструкции социокультурного пространства дореволюционной России. Указанный вопрос нуждается в специальном рассмотрении, поскольку был лишь фрагментарно затронут в отечественной историографии [20; 23; 24; 26; 28].

Источниками для статьи послужили документы Духовной консистории

и Департамента полиции, хранящиеся в Центральном историческом архиве г. Москвы и Государственном архиве Российской Федерации. В работе также использованы сведения церковной печати и труды Промышленных съездов, позволяющие комплексно охарактеризовать заявленную проблему.

Развитие промышленности сопровождалось формированием крупных производственных предприятий, при которых складывался социально-бытовой комплекс, состоявший из жилых домов, больницы, аптеки, родильного дома, школы, библиотеки, училища. Не оставались без попечения и религиозные нужды рабочих, что выражалось в строительстве церквей, больничных храмов и часовен [3, с. 372; 7, с. 433]¹. В предпринимательской среде под влиянием традиционно православного мировоззрения была в определенной мере укоренена идея ответственности за богатство и связанная с ней практика общественного служения, на основании чего формировалась культурно-религиозная составляющая фабрично-заводского пространства.

Практика организации церковного пространства складывалась под влиянием личной инициативы фабричного руководства, а также основывалась на донесениях фабричных инспекторов, которые с 1890 г. собирали сведения о необходимости сооружения храмов при фабриках и заводах, расположенных в малонаселенных прежде местностях. Они, согласно всеподданнейшему отчету Святейшего Синода, «входили в сношение с духовным ведомством о безотлагательной постройке при означенных заведениях» [1, с. 41].

¹ Центральный исторический архив г. Москвы (далее ЦИАМ). Ф. 203. Оп. 478. Д. 23. Л. 1.

На IV Всероссийском торгово-промышленном съезде 1896 г., проведенном по инициативе Министерства финансов, при обсуждении вопросов трудового процесса и потребностей рабочих, отмечалось: «Говоря о посещении рабочими церкви и о влиянии на человека общественных богослужений, зависящих, прежде всего, от совершителей, то есть духовенства, мы не можем не указать на роль фабрики с ее часто многотысячным населением и нередко большими материальными средствами на возвышение благолепия церковного» [15, с. 398]. Церковь воспринималась как место, где рабочий мог «опомниться, освежиться, почувствовать свою грязь» [16, с. 64], устройство на фабриках храма «заметно благотворно влияло на нравы фабричного люда» [2, с. 19].

Все церковные постройки содержались за счет правлений фабрик, ими же оплачивалось годовое содержание духовенства и хора². Нанимая отдельно священнослужителей для фабричных треб, администрация, помимо выплаты годового содержания, оплачивала также квартиру, ремонт в ней, отопление и освещение, предоставляя в сельской местности гужевой транспорт³. Для фабричного руководства служащим духовенством составлялись специальные отчетные ведомости о продаже свечей, суммах по тарелочным сборам и совершению треб [12, с. 189]⁴. Стоит отметить наиболее крупные церковные постройки, появивши-

² ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 51.; Ф. 203. Оп. 483. Д. 20. Л. 10; Ф. 203. Оп. 478. Д. 23. Л. 1; Ф. 203. Оп. 468. Д. 2. Л. 1.

³ ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 619. Д. 20. Л. 16.

⁴ ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 50; Ф. 203. Оп. 694. Д. 23. Л. 4.

еся с 1880 г. на многолюдных фабриках Московского промышленного района. Такими стали: Богородско-Глуховская мануфактура с двумя церквями на территории фабричного комплекса; Ивановская суконная фабрика Цуриковых с приписной Успенской церковью; Покровская (Ляминская) мануфактура с Троицким трехпрестольным храмом на пять тысяч человек, который не был приписан к мануфактуре, поскольку должен был стать приходским еще для пяти сел [6, с. 366]. Храмы были построены при 18 из 53 предприятий Московской губернии с численностью рабочих и служащих более 1000 человек, что составило 34 %, рабочие же остальных 66 % были приписаны к приходам, ближайшим к фабрично-заводскому комплексу. В церковных учетно-статистических книгах уездные фабричные рабочие обозначались как «иноприходные, мастерские и служащие, проживающие при фабрике» или «временно проживающие сторонние люди», составляя отдельно выделенную категорию приходского населения. В условиях интенсивной индустриализации Москвы работники крупных предприятий, приписанных к храму, в клировых ведомостях могли также обозначаться просто как «крестьяне»¹, что, вероятно, объясняется восприятием городского духовенства фабричных рабочих лишь как сезонных работников, сохранявших связь с деревней.

Митрополит Московский Владимир (Богоявленский) в своем отзыве по вопросу о церковной реформе отмечал особенности городской приходской жизни, условия которой пред-

ставляли сложности в наблюдении за посещаемостью рабочих и определении «своих» прихожан: «Там пастырь не знает даже, где предел его прихода и кто его прихожанин. Прихожанином считается тот, кто приходит в церковь за какой-либо требой, и только тогда, когда приходит, а ушел он – вместе с тем и перестал быть прихожанином» [9, с. 231]. В развивавшихся индустриальных центрах зачастую не существовало точного описания границ приходов, вследствие чего при определении географии церковной единицы «довольствовались только некоторыми указаниями, имеющимися в клировых ведомостях» [1, с. 41]. Учет прихожан-рабочих в условиях Москвы, где число жителей за 30 лет (в 1872–1902 гг.) увеличилось на 95% (с 602 000 до 1 174 675 человек) [10; 11], действительно, осуществлялся сложно, что приводило к географической условности приходских единиц. В фабрично-заводской промышленности Москвы работало 193 тыс. человек, а вместе с пригородными поселками – 209, 2 тыс. [19, с. 125], состав рабочих менялся в зависимости от сезона. Определить «своих» прихожан для духовенства не представлялось возможным.

Один из священников, корреспондент «Церковного вестника», отмечал особые сложности церковного служения в условиях развивавшегося города: «Чем больше город, тем больше в нем экономических контрастов, тем труднее священнику объединить своих прихожан в одну семью, ... внушить им убеждение, что все ведь мы одинаковые дети одного Небесного Отца» [17, с. 197]. Как вспоминал Н.П. Розанов: «Насмешкой звучали обращения священников к собравшимся в церкви

¹ ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 744. Д. 2545. Л. 169; Д. 2587. Л. 12; Ф. 2127. Оп. 1. Д. 206. Л. 2.

людям – «братия»: братьев никаких не было, а были разные классы общества, которые даже и места для стояния в церкви имели разные» [[Цит по: 21, с. 39]. Церковная общественность признавала непростое положение приходского священника в городе, указывая на большую степень ответственности в служении: «Современный пастырь иначе должен говорить простым земледельцам, иначе фабричным рабочим, иначе суетливой городской черни, иначе богатым торговцам...» [17, с. 98].

Формы церковной жизни «рабочих приходов» не отличались от традиционной практики организации православного прихода. Прихожане-рабочие полноценно участвовали в церковной жизни своего храма: прислуживали во время богослужений, пели в церковном хоре, помогали в организации крестных ходов¹. В заводских храмах практиковалось всенародное богослуженное пение, в котором участвовали все присутствовавшие на службе. Однако следует отметить, что преимущественный состав прихожан храма повлиял на формирование некоторых особенностей церковной жизни фабрично-заводских окраин.

При фабриках возникали свои собственные традиции совершения молебнов и крестных ходов в честь определенных праздников и событий. Сельские приходы отличались особой активностью в устройстве крестных ходов, «установленных рабочими по особому усердию и религиозному своему расположению»². Так, в селе Купавна Богородского уезда, где располагался Докторовский химический завод, крестные ходы совершались 11 раз в

году в честь особо почитаемых местных святых (преп. Сергия Радонежского, свв. Стефана Махрищского, Саввы Звенигородского и др.), икон (например, Тихвинской Божией Матери), Двенадесятых праздников, полевых работ («насаждение древ»), а также в память об избавлении от французов и холеры³.

Нередко традиционные поводы устройства крестных ходов дополнялись случаями бездорожья, безведрия и эпидемий. Около 20 % всех крестных ходов, разрешенных в Московской епархии, приходились на торжества, устроенные по инициативе крупных фабрик, таких, как: Садковская фабрика Демина (1500 рабочих), фабрика Рабенек (450 рабочих), Ляминская мануфактура (1800 рабочих) и др. [18, с. 76]⁴. Практически каждая фабрика устраивала церковные торжества в день памяти святителя Николая, который считался покровителем заводского дела. Обязательным церковным событием для сельских и городских фабрик был молебен, традиционно устраиваемый в начале сезонных сельскохозяйственных работ [12, с. 189; 4, с. 271]⁵, что являлось показателем сохранения связи с деревней большинства рабочих – крестьян-отходников.

Городские фабрики, наряду с расположенными в сельской местности, также имели свои традиции паломничества и крестных ходов. Крупнейшая в Москве Даниловская мануфактура (5 400 рабочих) [13, с. 7] устраивала паломничество во Владимирскую женскую общину, находившуюся в 30 верстах от фабрики в с. Филимоновка.

³ ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 547. Д. 23.

⁴ ЦИАМ. Ф. Ф. 203. Оп. 744. Д. 3202

⁵ ЦИАМ. Ф. 673. Оп. 1. Д. 81.

¹ ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 545. Д. 3. Л. 6.

² ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 744. Д. 3202. Л. 69.

Шествие обычно составляло несколько тысяч человек. Рабочими по подписке покупалась жертвуемая в общину церковная утварь: подсвечники, лампы, восковые свечи и украшения для икон [5, с. 288].

Сами владельцы фабрик устраивали молебны по различным поводам: «молебен при паровике», «поновление икон на ситцевой фабрике» [25, с. 18; 12, с. 189], «при этом кропили и людей, и станки, и товар, и даже лошадей из конного парка» [22, с. 83]. Особой торжественностью отличались молебны, приуроченные к запуску фабричных станков: «на эти молебны приглашались певчие, давался гудок. В тех отделах, где нужно было пускать машины, последние подготавливались, но не пускались до тех пор, пока не пройдет священник и не окропит святой водой. Как только певчие запоют “Спаси, Господи, люди твоя”, поп опускает крест в воду; в этот момент снова дается гудок, и машины пускают на холостой ход. После этого поп кропит святой водой машины и всех рабочих. И лишь затем пускают товар...» [22, с. 72]. Во время Пасхальных каникул на фабриках проводилась остановка техники и профилактические осмотры станков. Запуск машин свидетельствовал об окончании Пасхальной седмицы и начале летнего периода работ, что всегда особо праздновалось на предприятиях [27, с. 75].

Религиозная инициатива рабочих распространялась на возможность устройства молебнов по собственному желанию, но при согласовании с администрацией. Фабричные служащие собирали добровольные пожертвования, а выбранный староста с разрешения начальства приглашал священника и

диакона¹. На молебен допускались также рабочие других фабрик и заводов². О церковных требах через полицейского пристава заранее уведомлялось Охранное отделение, как, например, сообщалось в одном из донесений пристава: «Завтра 7 июля в 9 часов утра на заводе Дютруа по примеру прошлых лет по случаю престольного заводского праздника по инициативе рабочих будет молебен с крестным ходом вокруг завода»³. Отчеты полицейских приставов, присутствовавших при совершении молебнов, указывают на довольно высокий уровень посещаемости рабочих. Так, на заводе «Шварцкопф» по официальному донесению на такой молебен пришло 125 человек из 197 [14, с. 9]⁴. На территории цеха гильзовой фабрики «Бостанжогло» 12 марта 1905 г. из 1550 рабочих собралось 1200 человек для панихиды по павшим в войне с Японией и на молебен о даровании победы.

Революционные события 1905 г. нашли отражение в самостоятельных религиозных инициативах фабричных рабочих. Так, 15 из 352 рабочих московской фабрики жестяных изделий «Банакер» отправились к священнику Лефортовской церкви с просьбой отслужить панихиду по рабочим, погибшим в Санкт-Петербурге в ходе Кровавого воскресенья, в чем им было отказано⁵. «Московский листок» в 1905 г. разместил информацию о том, что ра-

¹ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф. Р-7952. Оп. 3. Д. 271. Л. 141, 301 об.; Д. 272. Л. 61; Ф. 63. Оп. 25. Д. 25. Л. 88, 165.

² ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 25. Л. 1.

³ ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 25. Л. 25, 165.

⁴ ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 25. Л. 14.

⁵ ГА РФ. Ф. 63. Оп. 25. Д. 25. Л. 13.

бочие Прохоровской фабрики через пристава Пресненской части обратились к московскому градоначальнику с ходатайством разрешить им молебствие по случаю окончания мятежных беспорядков [8, с. 2].

Религиозная активность самих рабочих в рамках церковно-приходских отношений реализовывалась в деятельности трезвеннических союзов и обществ хоругвеносцев. Церковное руководство с осторожностью относилось к таким инициативам, исходящим именно от рабочих, опасаясь возможного негативного влияния фабричных работников на приходские дела. При ближайшем рассмотрении подобных прошений, поступавших в Московскую консисторию, в некоторых случаях оказывалось, что не все из подписавшихся под прошением организации самостоятельного союза лица безупречного поведения, а «пробывание их на фабрике временное и едва ли прочное»¹.

Так, будущий священномученик Константин Голубев, занимавший должность Богородского благочинного, установил, что в условиях крупнейшей Богородско-Глуховской мануфактуры «местные крестные ходы и безобщества совершаются весьма стройно и чинно», объясняя инициативу создания общества желанием рабочих «освободиться от влияния и контроля церковного старосты, сдерживающего инстинкты, ... и хозяйничать в делах церковных»². Священнослужители в таком случае оказывались в сложной ситуации, решаемой в частном порядке епархиальным руководством: рабочие привлекались к приходской

деятельности, однако их участие в церковных союзах строго контролировалось во избежание самовольных действий³.

Таким образом, можно говорить о складывании к началу XX в. особого типа церковного прихода, обусловленного социальным составом прихожан и формированием собственных церковных традиций, связанных с основными этапами производства.

Необходимость церковного присутствия и организация богослужбной жизни в фабричных районах признавались как светской, так и церковной властями, а также промышленниками, сотрудниками фабричной инспекции и самими рабочими. Патерналистская политика российских предпринимателей способствовала церковной активности на предприятии, что представлялось средством к смягчению трудовых конфликтов. Контроль за церковными инициативами рабочих осуществлялся администрацией предприятия и полицией, что говорит о повышенном внимании к религиозно-нравственной составляющей «рабочего вопроса».

Стоит отметить, что обустройство традиционной церковной жизни через организацию крестных ходов, молебнов, обществ хоругвеносцев сглаживало в условиях промышленных окраин социокультурный разрыв между городом и деревней. Появление практики завершения стачки благодарственным молебном при непосредственной инициативе рабочих было, в некоторой степени, церковным новшеством – знаком времени, в котором молебны воспринимались рабочими как символ стабильности и мирной жизни.

¹ ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 545. Д. 3. Л. 7.

² Там же. Л. 7.

³ ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 607. Д. 27. Л. 18.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Источники:

1. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1890–1891 гг. СПб., 1893. 235 с.
2. Двадцатипятилетие Глуховского начального училища на фабрике компании Богородско-Глуховской мануфактуры (1870–1895 гг.). Историческая записка, составленная заведывающим Глуховскими, Министерства народного просвещения, училищами, священником Богородского Богоявленского собора А.Ф. Каптеревым. М.: печ. А.И. Снегиревой, 1895. 40 с.
3. Московские церковные ведомости. 1875. № 43.
4. Московские церковные ведомости. 1893. № 20.
5. Московские церковные ведомости. 1895. № 30.
6. Московские церковные ведомости. 1895. № 39.
7. Московские церковные ведомости. 1895. № 45.
8. Московский листок. 1905. № 341.
9. Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе. М., 1906. Т. 3. 591 с.
10. Перепись Москвы. 1882 г. Вып. 2. Население и занятия. М., 1885. 420 с.
11. Перепись Москвы. 1902 г: Население г. Москвы (без пригородов) по занятиям, вероисповедания и родному языку. М., 1906. Ч. 1. 227 с.
12. Русское богатство. 1903. № 9.
13. Список фабрик и заводов г. Москвы и Московской губернии. Отдел промышленности Министерства торговли и промышленности / Сост. фабричными инспекторами Московской губернии. М., 1916. 190 с.
14. Фабрики и заводы Москвы и ее пригородов: Адресная и справочная книга. М., 1904. 426 с.
15. Федоров С.А. О воскресном отдыхе // Труды высочайше утвержденного торгово-промышленного съезда 1896 года в Нижнем Новгороде. Т. 3. Вып. 5. Улучшение быта рабочих. СПб., 1897. С. 397–411.
16. Церковный вестник. 1905. № 3.
17. Церковный вестник. 1905. № 4.
18. Шрамченко А.П. Справочная книжка Московской губернии. М.: Губ. тип., 1890. 420 с.

Литература:

19. Васильев В. Численность, территориальное размещение, состав фабрично-заводского пролетариата Центрального района России в эпоху империализма // Пролетариат Центрального промышленного региона в 1907 – феврале 1917 гг.: Межвуз. сб. науч. тр. / Иван. гос. ун-т им. Первого в России Иван.-Вознес. общегор. Совета рабочих депутатов. Иваново: ИвГУ, 1984. 176 с.
20. Зорина К.И. Частное пространство городского рабочего в кон. XIX – нач. XX века // Экономическая история. 2002. № 8. С. 101–105.
21. Зырянов П.Н. Православная церковь в борьбе с революцией 1905–1907 гг. М.: Наука, 1984. 224 с.
22. Как мы жили при царе и как живем теперь. М., 1937. 82 с.
23. Канфер Е. Повседневное общение рабочих на предприятии и за его воротами: Прохоровская мануфактура и завод Гужона в конце XIX – нач. XX вв. // Социальная история. Ежегодник, 2004. М.: РОССПЭН, 2005. С. 141–163.
24. Кирьянов Ю.И. Менталитет рабочих России на рубеже XIX–XX в. // Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций 1861 – февраль 1917. СПб.: Изд-во “Русско-балтийский информационный центр БЛИЦ”, 1997. С. 55–77.
25. Лапицкая С. Быт рабочих Трехгорной мануфактуры. М.: История заводов, 1935. 195 с.

26. Миронов Б.Н. «Послал Бог работу, да отнял черт охоту». Трудовая этика российских рабочих // Социальная история. Ежегодник 1998/1999. М., 1999. С. 272–280.
27. Обычаи фабрично-заводских рабочих Европейской России, связанные с производством и производственным отношением (конец XIX – начало XX вв.) // Этнографическое обозрение. 1994. № 1. С. 73–90.
28. Фирсов С.Л. Рабочие и Православная Церковь в России в начале XX века // Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций 1861 – февраль 1917. СПб.: Изд-во «Русско-балтийский информационный центр БЛИЦ», 1997. С. 327–340.